

ОТЗЫВ**ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА**

на диссертацию Канаевой Наталии Алексеевны
на тему: «Становление принципов теоретического знания в Индии»
по специальности 09.00.03 – История философии
на соискание ученой степени доктора философских наук

Диссертация Н. А. Канаевой, представленная к защите на соискание ученой степени доктора философских наук, – результат многолетних и углубленных исследований в области базовых проблем философской индологии, – причем результат, имеющий, на мой взгляд, не только общефилософскую ценность, но и ценность в областях науковедения, истории науки, религиоведения и общетеоретической индологии.

А уж далее – разговор по существу.

Актуальность избранной темы. Обсуждаемая работа находится в русле современных тенденций расширения не только тематических, но и временных, ареальных, цивилизационных и социальных горизонтов философского знания. Однако при этом – для диссертанта характерно стремление сохранить проблемную выдержанность философствования. Сохранить именно – по словам М. К. Мамардашвили – ее выдержанность как «мышления о мышлении».

Собственно, теоретическое знание почти равнозначно мышлению, но *мышлению в его особом модусе*: мышлению, осознанно постигающему себя во многообразии своих связей с Мирозданием, с языком, со своей исторической памятью, со своим психосоматическим субстратом, со своим социальным и нравственным опытом.

Хотелось бы сразу отметить глубину погружения диссертанта в мыслительные пласты Древней и Средневековой Индии: от времен Вед – до XIII или, точнее, до XVII столетия. Это – огромный свод материалов на санскрите, а отчасти – в латинских транскрипциях – на пали и на пракрыте; от Атхарваведы и Чхандогьи-упанишады вплоть до поздних джайнских трудов.

При всей этой глубине погружения, Наталия Алексеевна вполне отдаёт себе отчет в своей принадлежности к иной философской традиции: традиции европейско-русской, восходящей к философскому опыту древних народов Средиземноморья. И тем убедительнее и современнее ее исследовательская позиция: позиция, обозначенная М. М. Бахтиным как «взаимообогащение смыслов», а индо-испанским католическим мыслителем Раймундо Паниккаром – как «двойная перспектива» (см. с. 235–236). Такой объемный, двуокий взгляд призван восполнить «логико-смысловую инаковость» (А. В. Смирнов) несхожих философских традиций (см. с. 211–279).

Действительно, Философствующий не может стать отрешенно-объективным, не может обойти самого себя. Даже в строгой и отвлеченной теоретической разработке.

Как настаивает Наталия Алексеевна, едва ли возможно прямолинейное отождествление таких, казалось бы, идейно и даже этимологически родственных понятий, как санскритское *джняна* и английское *knowledge*: в первом случае это, скорее, познание-умудренность и познание-процесс, а во втором – знание как информированность, осведомленность (см. с. 235–236). От себя дерзнул бы и добавить: наше российское «познание», восходящее ко греко-византийскому *гносису*, находится где-то посередине между указанными выше двумя смысловыми полюсами...

Диссертация Наталии Алексеевны подсказывает читателю мысль – если можно так выразиться – о конечной «нераздельности и неслиянности» двух направлений всечеловеческого интеллектуально-духовного опыта: философствования и науки, с их подчас даже общим теоретическим стержнем – идеей (или, точнее, интуицией) самопознающей мысли. Каким-то даже косвенным образом к этой диаде подбирается и третий член: пытающийся осмыслить самого себя религиозный опыт, опыт особой символизации недосказанности мира и самого человека. Нащупывая эту диаду-триаду на традиционном индийском материале, Наталия Алексеевна

поневоле отсылает читателя к трудам двух великих мыслителей Европы XIX – XX столетий: позднего Вл. Соловьева и Макса Шелера. Согласно этим мыслителям, контовские три интеллектуальные стадии всечеловеческого развития («мифология – метафизика – наука») даны в истории не в процессах взаимного чередования и вытеснения, но в процессах постоянного взаимного переплетения, оспаривания, стимулирования, блокирования, провоцирования. Так оно, собственно, и было, как показывает диссертант, в процессе растянувшегося на тысячелетия и составившего специфику традиционной индийской мысли теоретического синкрезиса.

На мой взгляд, особенно отчетливо сила этого, казалось бы, сугубо архаического синкрезиса прослежена Наталией Алексеевной в разделах, посвященных истории индийской обрядово-литургической (см. с. 306–325) и медицинской мысли (см. с. 325 и сл.).

Справедливости ради, надо было бы сказать, что у нас в Европе этот архаический синкрезис начал всерьез распадаться лишь с Научной революцией XVII – XVIII столетий. Его следы прослеживаются в трудах Ньютона, Лейбница, Декарта...¹

Но этот же углубленный традиционный синкрезис – еще до всякого жесткого дисциплинарного «разнесения» (*la difference* у Жака Дерриды) – составлял, как правило, характерную черту любой из традиционных форм теоретического знания, в том числе и индийского (см. с. 67–72).

В этом смысле – на мой взгляд – особо поучителен предложенный диссертантом содержательный анализ санскритского понятия *вьявахара* (см. с. 240–256), связанного с правилами теоретического спора в любой из отраслей знания. Это понятие синкретически воссоединяет в себе

¹ Не случайно Наталия Алексеевна особо акцентирует роль XVIII столетия в истории мирового научного знания: «век осмнадцатый» – не только век Великой научной революции, но и век особого колониального натиска Европы на Восток. Но таковую «Европу» следовало бы толковать расширительно: открытие атмосферного электричества Бенжаминном Франклином и химические исследования Лавуазье и Ломоносова; вспомним обоснование Гердером закономерности и законности многообразия культур. Любопытно было бы вспомнить и о перманентных австро-турецких и русско-турецких войнах и о попытках Российских государей через Центральную Азию прорваться в Индию. А также вспомнить, что неудавшаяся Египетская экспедиция Бонапарта имела на прицеле как раз захват Индии...

представление о теоретических расхождениях с принципами этикета, навыками повседневного опыта и возможных деловых компромиссов. Абсолютизация же неконвенциональных, «единственно-верных» идей и понятий здесь невозможна. Ибо – согласно старой индийской мысли – эмпирическая, мирская реальность не обладает «самобытностью» (*свабхава*)².

Этот традиционно-индийский подход к самой динамике человеческой мысли подсказывает и особое, остро-современное отношение к волнующей европейскую мысль проблеме истины. Истина – не статична, не формулировочна, как, скажем, того требовал Понтий Пилат (см.: Ин 18:38). Она – в открытости и динамике многоединого Бытия.

И в этом смысле, вскрывается один из парадоксов традиционного индийского философствования (см. с. 403): восходящее к Ведам священное знание, с его установкой на кастовую замкнутость *ведующих* из числа «ритуально чистой» публики, как бы и не рассчитанное на новацию, всё же объективно оказывается «точкой роста» (там же) индийской традиционной мысли, ее интеллектуальных и иных практик³.

Достоверность и новизна исследования. В чём же усматриваю я философское и научное *новаторство* диссертационного труда Наталии Алексеевны? – Прежде всего, в обосновании глубины традиционного эпистемического синкрезиса Древней и Средневековой Индии и в обосновании современных историко-философских подходов к нему. В обосновании важности восполнения этой глубины корректными методами европейского «дисциплинарного» мышления.

И эта диссертация – несомненная часть того нынешнего, причем десятилетиями продолжающегося «открытия Индии» (*Discovery of India* – Джавахарлал Неру, 1944 г.). В данном случае речь – о продолжающемся открытии теоретического наследия Южно-Азиатского Субконтинента.

² Вспомним, кстати сказать, о слове В. И. Даля: «Только Бог самобытен».

³ Это касается, как указывает диссертант, и истории аюрведической медицины, ныне – добавлю от себя – развивающейся в *синтезе* с достижениями европейской, американской и израильской аллопатии.

Как тут не вспомнить учение покойного академика Нодари Александровича Симония о синтезном характере всей общественной и культурной действительности современного Востока?

Допустимость несходных теоретических моделей (см. с. 240) не означает теоретической всеядности. Не случайно Н. А. Канаева приводит максимуму мыслителя эпохи Гуптов Ватсьяяны (в переводе В. К. Шохина): «Другое мнение, если [оно] не опровергается, может быть принято» (с. 239). Как тут не вспомнить мимоходом, скажем, труды Поппера или Лакатоса?..

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций. Как-никак, диссертация – документ квалификационный. И не случайным подтверждением квалификационного достоинства служит приложенный к диссертации исполненный Наталией Алексеевной перевод с санскрита трактат индо-буддийского логика VI в. н. э. Дигнаги «Ньяя-правешака-шаstra» (с.432–443). Среди важнейших проблем трактата есть и такая, актуальная для современного философствования. На мой взгляд, это проблема соотношения наших общих познавательных способностей и всегда недосказанных, подвижных, но всё же открытых нашему познанию смыслов Бытия...

Значимость для науки и практики диссертации Н.А. Канаевой состоит в том, что она обогащает познавательные горизонты российского ученого круга – философов, историков, науковедов, политологов, а также тех практических работников, которые связаны с процессами непрерывного развития российско-индийских отношений.

И это важно не только для нашей академической науки, но и для многих областей современной государственной, общественной и общекультурной практики.

Конкретные рекомендации: Наталии Алексеевне стоит подумать о публикации ее диссертационной работы в виде книги.

Общее содержание диссертации

Введение содержит все необходимые теоретические элементы: определения использованной методологии, предмета и объекта, цели и задач исследования, признаки теоретической и практической значимости работы и т.д.

Первая глава рассматривает комплекс традиционных дисциплин Древней и Средневековой Индии с особым акцентом на *праманаваду* – учение об инструментах достоверного познания. Глава объединяет три параграфа, каждый из которых посвящен разным аспектам традиционного знания: истории его формирования и дисциплинарному содержанию; концептуальному каркасу *праманавады* (необходимому для того, чтобы сравнивать принципы теоретического знания в Индии и в Европе) и принципиальным различиям в представлениях о субъекте познания, истине, чувственном восприятии и логическом выводе, о закрепившихся в Индии традициях полемики и о конвенциональных правилах ее ведения. В связи с широким применением в Индии термина *вьявахара* (конвенциональное словоупотребление, договорные правила полемики, повседневные практики и т.д.) Н.А. Канаева выдвигает интересную гипотезу об использовании этого слова в индийских логических текстах для обозначения универсума рассуждения, от которого не требуется полной определенности, как в западной логике. И этот выбор индийских философов обнаруживает ряд важных, специфических характеристик индийского философского дискурса.

Во второй главе диссертации исследованы основания познавательной деятельности, сложившиеся в брахманистской литературе вед и упанишад (*шрути*), в послеведийской литературе (*смрити*) и в двух брахманистских науках, сформировавшихся ранее систематических учений *даршан*: в ритуалистике и грамматике. Каждый из трех параграфов данной главы завершает вывод, в котором кратко перечисляются те теоретические новации, появление которых было обусловлено священными текстами, ритуалистикой или грамматикой.

Третья глава рассматривает принципы познавательной деятельности, ставшие результатом полемических практик и их теоретического осмысления. Особое место в этой главе уделено исследованию функционирования концепта истины в индийской философии и в науке медицины (*аюрведе*). И в этой главе каждый из двух ее параграфов завершается выводами о связи рассмотренного вида практик (полемики и медицины) с формированием или инкорпорацией оснований теоретического знания.

Заключение диссертационной работы обобщает те частные выводы, которые завершают каждый параграф Второй и Третьей глав, дает общую оценку принципов теоретического знания в Индии.

К основному тексту работы приложен ранее полностью не публиковавшийся выполненный Н.А. Канаевой перевод с санскрита на русский язык логико-эпистемологического текста школы авторитетного буддийского логика Дигнаги «Ньяя-правешака-шастра».

Завершает диссертацию Список использованной литературы, который содержит достаточное количество первоисточников на санскрите и исследовательской литературы на русском и английском языках.

Достоинства и недостатки диссертационного исследования

Моя высокая оценка диссертационного труда Наталии Алексеевны – самоочевидна. Но вот от одной – важной именно для меня – придирки всё же не могу воздержаться.

Я не случайно обмолвился упоминанием «века осмнадцатого». Века, положившего предел автаркии местных культур, экономик, политических и интеллектуальных традиций⁴. Прозаически жестокий колониальный натиск на Индию знаменовал собой и начало интенсивных идейных связей с Европой. В частности, и начало освоения индийской (и прежде всего бенгальской) мыслью европейских исторических воззрений⁵. Эти воззрения, коренящиеся в исторических дискурсах Библии и греко-римской историографии и переосмысленные в свете философского опыта раннего Нового времени⁶, оказались призванными восполнить некоторую, если можно так выразиться, супер-онтологичность и а-историчность традиционной индийской мысли. В фокусе последней, несомненно, было *то́, что всегда*; в фокусе же европейской мысли Нового времени – *то́, что связано с преемственностью и изменяемостью в потоке времен*. И, стало быть, с важностью понимания человеческого субъекта «Бытия и Времени».

И если взглянуть на всю пост-традиционную историю индийской философской мысли, то одной из важнейших ее задач оказалось именно перекрытие пропасти между прежней супер-онтологичностью и современным историзмом.

На мой взгляд, это – историко-философская проблема чрезвычайной важности. И ее следовало бы акцентировать – хотя бы самым кратким образом. Ибо само богатство взаимосвязей между онтологизмом и

⁴ См.: Ванина Е. Ю. Индия на переломе // Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке / 2 изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2019. С. 419-451.

Кстати сказать, «осмнадцатый век» – век начала современной научной индологии – См.: Рапковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока. XIX – XX века. – М.: Наука-ГРВЛ, 1990. С. 141-143, 162-163.

⁵ В отечественной литературе с наибольшей документальной полнотой и достоверностью эта проблема разработана в книгах и статьях Т. Г. Скороходовой.

⁶ Этой, по мысли Ясперса, «Третьей Оси» мировой истории.

историзмом в современном теоретическом мышлении оказывается, на мой взгляд, необходимым (хотя, возможно, и недостаточным) резервом экзистенциальной, интеллектуальной и общественной свободы. Чему свидетельством – и вся последующая интеллектуальная история Индии, маркированная именами Раммохана Роя, Тагора, Ганди, Амбедкара и многих других. Тем паче, что важно иметь в виду особый акцент на историзм, присущий именно пост-традиционному научному познанию. Что, кстати сказать, вполне сознавал и «отец современной Индии» – Раммохан Рой⁷...

Заключение

А в заключение – те несколько слов, которые диктуются самим жанром диссертационного отзыва.

Подвожу некоторые итоги своему отзыву. На его страницах я пытался обосновать:

– **Научную новизну** диссертации Наталии Алексеевны (теоретическое осмысление громадного круга источников и литературы, касающегося истории философской и научной мысли традиционной Индии);

– Ее **научную актуальность** (взаимное соотнесение огромного свода философских и научных знаний);

– Ее **общественную актуальность** (во-первых, вклад в продолжающийся в ходе последних десятилетий многотрудный процесс теоретического, в том числе и философского, «открытия Индии», во-вторых – ознакомление читателя с самой традиционно-индийской методологией и эвристикой спора между несхожими направлениями и стилями мысли);

– Ее **практическую ценность** (обогащение познавательных горизонтов российского ученого круга – философов, историков, науковедов, политологов, а также тех практических работников, которые связаны с процессами непрерывного развития российско-индийских отношений).

Автореферат адекватно воспроизводит содержание диссертации.

⁷ См.: Рашковский Е. Б. Указ. соч. С. 167-169.

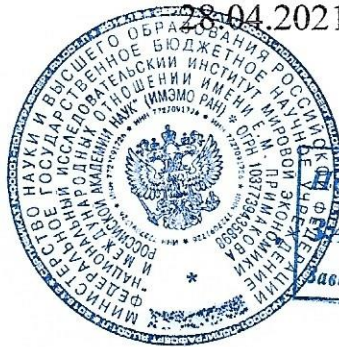
Тем самым диссертация Н. А. Канаевой вполне удовлетворяет квалификационным требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 – История философии, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Официальный оппонент,
 доктор исторических наук
 (специальность 07.00.03 – Всеобщая история),
 главный научный сотрудник
 Национального исследовательского института
 мировой экономики и международных отношений
 им. Е. М. Примакова РАН,
 ул. Профсоюзная, 23, Москва, Россия, 117997,
 телефон: +7 499 138 60 33,
 адрес электронной почты – eug.rashkov@gmail.com

E. B. Rashkov

/ Рашковский Е. Б. /

28.04.2021 г.

Подпись *Рашковского Е. Б.*
ЗАВЕРЯЮ *Л. А. (Лисовенко Л. А.)*
 Заведующий Отделом кадров ИМЭМО РАН

28.04.2021 г.